

АГРАРНАЯ ЭКОНОМИКА И ГОСУДАРСТВО

ТАРХАНОВ ОЛЕГ ВЛАДИМИРОВИЧ

АННОТАЦИЯ

В статье на основе анализа исследований в области аграрной экономики в течение двадцати лет до Перестройки, показана их научная несостоятельность и непреодолимая сила заблуждений, что предопределило социально-экономическую трагедию первого социалистического государства, в котором место развития экономической науки было занято практическими мерами по расчленению крупных производств на мелкие звенья.

Ключевые слова: аграрная экономика; гипотезы; разрушение; безопасность.

THE AGRARIAN ECONOMY AND THE STATE

TARKHANOV O. V.

ABSTRACT

In article on the basis of the analysis of researches in the field of agrarian economy in current of twenty years before Restructuring, their scientific inadequancies and force majeure of errors that has predetermined social and economic tragedy of the first socialist state in which the seat of progress of an economic science was busy practical measures on a partition of large manufactures on fine links is shown.

Keywords: agrarian economy; hypotheses; destruction; security.

«Идеи экономистов и политических мыслителей – и когда они правы, и когда ошибаются – имеют гораздо большее значение, чем принято думать» [1, С. 350].

Эти слова главного возмутителя спокойствия экономического и политического сообщества первой половины 20 века английского экономиста Д. М. Кейнса имеют опосредованное отношение к событиям, произошедшим в СССР в послевоенный период и продолжающим иметь место быть в современной России.

Действительно, темпы развития аграрного сектора в СССР не были пропорциональными росту фондовооруженности в сельском хозяйстве. Так, только с 1960 г. по 1987 г. обеспеченность производственными основными фондами на 100 га сельскохозяйственных угодий выросла в 7 раз [2, С. 388]. В этот же период рост количества удобрений (НПК) на 1 га пашни вырос с 12,2 кг в 1960 г. до 121,1 кг в 1987 г. [2, 3].

Несмотря на это, количество произведенного зерна со 125,5 млн. т в 1960 г. увеличилось до 211,4 млн. т в 1987 г., соответственно, мяса с 8,7 млн. т до 18,9 млн. т, молока с 61,7 млн. т до 103,8 млн. т [2, С. 10–12]. Приблизительно такая же картина наблюдалась и по остальным видам продукции. Иными словами, за указанный период вложения в сельское хозяйство увеличились в десять раз, а количество произведенной продукции в среднем в два раза. Стало быть, в СССР весьма щедро выделяли масштабные государственные инвестиции в сельское хозяйство. Но эффективность этих инвестиций в аграрное производство с 1960 г. по 1987 г. упала ровно в пять раз.

Как известно, в причинах столь несообразных результатов в аграрном комплексе страны должны были разобраться либо правоохранительные органы на предмет очковтирательства, воровства, саботажа

или откровенного вредительства, либо научные организации в лице ВАСХНИЛ и ее более 220 институтов на предмет выявления причин.

Первая версия о вредительстве в принципе отпадает, ибо реальное увеличение, как основных фондов, так и поставляемых селу удобрений, имело место быть. Значит, оставалась надежда на то что, что именно наука тех лет могла бы разобраться в причинах приведенной диспропорции.

Необходимо отметить, что именно в этот период ЦК КПСС и Совет Министров СССР выпускают три постановления, отражающие необходимость научного осмысления происходящих в сельском хозяйстве событий [4,5,6]. Однако аграрная наука не выявляла причин сбоя в аграрном производстве и улучшений в аграрном секторе не происходило. Небольшая надежда на исправление ситуации в сельском хозяйстве СССР появилась в связи с обнародованием «Новосибирского манифеста». Но реализация этого манифеста, идеи которого нашли свое концентрированное воплощение в решениях советского руководства относительно частного сектора (личных подсобных хозяйств), значительно ухудшили ситуацию в сельском хозяйстве [7, 8, 9, 10, 11].

И лишь много лет спустя после перестройки при исследовании работ автора «Новосибирского манифеста» выявилась их научная несостоятельность [12].

Вместе с тем, на события в аграрном комплексе страны, начиная с семидесятых годов, принимая во внимание суждение Кейнса, не могло не оказывать влияния творчество специалиста в области аграрной политики и экономики СССР А. А. Никонова. И вот почему.

В 1962 г. в экономической науке появилось его имя. С 1975 г. идеи А. А. Никонова, как главного аграрного экономиста страны, не могли не влиять на

аграрную политику СССР перед Перестройкой, что определяет актуальность настоящего исследования.

А. А. Никонов родился в 1918 г. в Латвии в крестьянской интернациональной семье, владевшей 12 гектарами земли. Мать – из латгальской (латышской) семьи, дед по отцу – старый балтийский моряк [13]. Из краткой биографии следует, что «После окончания Зайковской школы А. Никонов поступает в Яунлатгальскую (Пыталовскую) гимназию. После ее окончания он учился в Риге в Латвийском государственном университете (ветеринарно-медицинский факультет). После вхождения Латвии в СССР в 1940 году 22-летний студент А. Никонов возвращается домой и в июне месяце становится уездным старшиной в Абренском (Пыталовском) уезде» [13]. Этот факт свидетельствует о высоких организаторских способностях молодого А. А. Никонova. После ранения на фронте в 1944 г. А. А. Никонova назначают первым секретарём Абренского (Пыталовского) райкома партии. На поприще партийной работы А. А. Никонов становится секретарем ЦК КП Латвии. В 1951 А. А. Никонova назначают министром сельского хозяйства Латвии. Занимая эту должность, А. А. Никонов в 1959 году окончил Латвийскую сельскохозяйственную академию по специальности агроном-экономист и продолжил работу министром до 1961 г. Из этих биографических данных следует, что до 43-летнего возраста А. А. Никонов не занимался предметно экономической наукой. Но это не помешало ему уже в 1962 (через год после освобождения от должности министра сельского хозяйства Латвийской ССР) защитить диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук «Специализация и концентрация производства в совхозах Латвийской ССР». Из названия диссертации следует, что А. А. Никонов с первых шагов своей экономической исследовательской научной деятельности обосновывал концентрацию сельскохозяйственного производства в качестве основы поступательного развития социалистического производства сельскохозяйственной продукции. Эти его изыскания лежали в русле экономической науки и были созвучны не только классической и пролетарской политической экономии, но и идеям Д. М. Кейнса о концентрации и централизации экономики.

В 1963 г. А. А. Никонов становится директором Ставропольского НИИ сельского хозяйства. Уже через семь лет (в 1970 г.) А. А. Никонов издает первое обширное исследование «Пути повышения эффективности использования производственных ресурсов колхозов» [14].

В этой работе он пишет: «Среднегодовой выход мяса в 1966-1969 гг. по сравнению с пятилетием 1961-1965 гг. увеличился на 7%, шерсти – на 10%, молока – на 13%, яиц – на 23%, сахарной свеклы – удвоился. Уровень производства семян подсолнечника, шерсти, яиц приблизился к запланированному на 1970 г. Вместе с тем сбор зерна даже сократился на 160 тыс. т по сравнению с прошедшей пятилеткой.

Известно, что Директивами XXIII съезда КПСС в пятилетку 1966-1970 гг. предусматривался общий рост производства сельскохозяйственной продукции на 25%. Среднегодовой прирост за четыре года по сравнению с прошлой пятилеткой составил всего лишь 122 тыс. руб., или 10,8%. Это не может не вызывать серьезной озабоченности и тревоги.

В значительной мере это объясняется нестабильностью урожаев, крайне медленным ростом урожайности, большой зависимостью сборов растениеводческих продуктов от складывающихся погодных условий, а также низким их абсолютным уровнем» [14, С. 6].

Не трудно убедиться, что в исследуемые А. А. Никоновым годы в Ставропольском крае после снятия Н. С. Хрущева произошло заметное увеличение производства мяса, молока, яиц, шерсти и сахарной свеклы. Вместе с тем А. А. Никонов отмечает, что плановые цифры повышения продуктивности на пятилетку не выполнены более чем наполовину. Причину такого результата он, как директор НИИ сельского хозяйства и аграрный экономист видел в том, что на 1970 год производство определялось «большой зависимостью сборов растениеводческих продуктов от складывающихся погодных условий». Но иные причины, как «нестабильность урожаев», «медленный рост урожайности», «низкий абсолютный уровень» урожаев, вообще говоря, к причинам не относится, ибо являются следствиями иных, не раскрытых А. А. Никоновым и возглавляемым им институтом, причин. А такие причины, как мы увидим ниже, были.

Т. о., первый вывод о зависимости сборов (урожаев) от погодных условий – не обладает оригинальной научной новизной, ибо был известен еще во времена Колумеллы [15].

К моменту выхода своего труда (1970 г.) А. А. Никонов зафиксировал весьма любопытную особенность экономического развития сельского хозяйства Ставрополья: «В связи с недостаточным ростом урожайности и продуктивности животноводства, с одной стороны, и все возрастающими затратами с другой, себестоимость продукции продолжает повышаться» [14, С. 8].

Здесь необходимо отметить, что такое странное поведение производства сельскохозяйственной продукции отмечалось не только в Ставропольском крае, но и по всему СССР, за исключением, быть может, растениеводства на целинных и залежных землях.

Странность здесь заключалась в том, что поставка удобрений сельскому хозяйству в СССР увеличилась с 29 494 тыс. тонн (период 1961–1965 гг.) до 52 415 тыс. тонн (период 1966 – 1970 гг.), т. е. почти в два раза [16]. Но увеличение поставок минеральных удобрений – это не только рост издержек в сельском хозяйстве. Действительно, в соответствии с теорией минерального питания вдвое большие объемы поставки минеральных удобрений селу должны были бы, как минимум, приводить к повышению

рентабельности, но никак не к её уменьшению. Об ожидаемом увеличении рентабельности говорила и теория почвенного плодородия, как основа практического земледелия. Однако А. А. Никонов этого диссонанса не отмечает, хотя по второму образованию является агрономом-экономистом. Он лишь отмечает: «Сравнение среднегодовой себестоимости за 1966–1968 гг. с двумя предыдущими пятилетками свидетельствует о том, что удорожание продукции имеет место по всем продуктам, за исключением свинины и мяса птицы. Эта тенденция накатилась не сейчас, а с начала 60-х годов, трудности последних лет ее усугубили» [14, С. 8].

Как видим, вместо поиска ответов на явно противоречащий агроэкономическим воззрениям факт снижения рентабельности, А. А. Никонов ссылается на какие-то трудности, зародившиеся с начала шестидесятых годов. Что это за трудности, какое они имеют отношение к экономическому организму социалистической формы сельского хозяйства – А. А. Никонов не уточняет. Однако по сути этого утверждения, А. А. Никонов, возможно, намекает на трудности, порожденные волюнтаризмом Н. С. Хрущева, снятого с должности первого секретаря ЦК КПСС в 1964 г. Но понятие «волюнтаризм» не относится к научным экономическим приемам ведения социалистического хозяйства. Он возникает только в случае отсутствия обоснованных научных рекомендаций. Однако, как свидетельствует сам А. А. Никонов «Если в прошлом развитие сельскохозяйственного производства осуществлялось как интенсивным, так и экстенсивным путем, причем в отдельные периоды экстенсивный путь имел весьма существенное значение, то в шестидесятые годы развитие идет исключительно за счет интенсификации» [14, С. 13]. Далее А. А. Никонов продолжает: «Этот процесс является закономерным и обоснованным» [14, С. 13].

Эта мысль целиком и полностью является субъективным утверждением. Слова «является закономерным и обоснованным» не подтверждаются ссылками на какие-либо экономические закономерности и обоснования, выведенные кем-либо, включая самого А. А. Никонова. Поэтому это заключение автора трудно отнести к научному экономическому положению, вытекающему из установленных закономерностей экономического организма.

Однако уже следующая фраза: «Вместе с тем интенсификация заключается не только в росте затрат и вложений на единицу земельной площади» [14, С. 13] вселяет некую надежду на предстоящее выявление особенностей интенсификации социалистического хозяйствования, и мы читаем: «Поскольку этот количественный рост вызывает качественные изменения в структуре материальной базы сельского хозяйства, иной должна быть организация и технология производства» [14, С. 13].

В этой весьма сложной мысли отсутствует расшифровка иных особенностей интенсификации, но как будто бы осуществляется опора на известный

закон диалектики о переходе количества в качество. Однако это лишь фраза, ибо формальное количество (интенсификация) неожиданно обозначается А. А. Никоновым как обязательное сопровождение интенсификации иной «организации и технологии», которые никак не определяются каким либо законом перехода к этим неизвестным формам вследствие интенсификации. Уже сама интенсификация есть совершенно новая технология, которой никак не мешает существующая организация (колхоз или совхоз, или фермерство) ибо именно в этих рамках старой организации интенсификация, как химизация земледелия, уже осуществлена де-факто. Однако вслед за первой алогичностью у А. А. Никонова проявляется и вторая в виде очередного необоснованного утверждения: «Сохранение старой организации и технологии в новых условиях приводит к неизбежным противоречиям и диспропорциям, которые в конечном итоге могут весьма отрицательно сказаться на самом производстве и его экономике» [14, С. 13].

В этой фразе, составленной по правилам русского языка, все перемешано – и старая организация, и технология (интенсификация), и некие без расшифровки «новые условия», и неизбежность, никак не объясняемая, и некое предположение о возможности отрицательных последствий. Поскольку под словами «отрицательными последствиями» здесь явно подразумевается зафиксированная аграрным экономистом А. А. Никоновым ранее уменьшившаяся рентабельность при росте интенсификации, то слова «могут весьма отрицательно сказаться» облачают приведенный вывод в форму, так сказать, непреднамеренной напористой и алогичной софистики.

В приведенной фразе чувствуется властный характер автора, прошедшего войну и занимавшего с юношеского возраста весьма важные должности старшины уезда, секретаря райкома КПСС, секретаря ЦК компартии Латвии. Это отразилось на манере изложения мыслей, опирающейся, априори – по его личному убеждению, – на правильность личных выводов уже потому, что они высказываются автором как директором научно-исследовательского учреждения. Но должность не есть эквивалент научно-обоснованных доказательств. Стало быть, описанный способ утверждения есть не что иное, как образец командно-административного стиля речи начальника, который в нашем примере полностью был перенесен на ниву научных изысканий. Однако с точки зрения принятых в науке положений указанные выводы А. А. Никонова, опуская их стилистический характер, относятся не более чем к гипотезам, проверка и обоснованность которых автором опущена.

Но вернемся к разбираемому труду А. А. Никонова. После рассмотренных гипотез автор продолжает обосновывать снижение рентабельности производства: «Из материалов таблицы 6 видно, что затраты из года в год растут, и в 1968 г. они

выросли на 46% по сравнению с 1962 г. Стоимость же продукции в сопоставимых ценах увеличилась всего лишь на 12%. В прошлом, 1969 г. это соотношение резко ухудшилось. Всего за 7 лет (с 1962 по 1968 г.) производственные затраты в колхозах и совхозах возросли на 200 млн. руб., тогда как валовая продукция в сопоставимых ценах – на 107 млн. руб. Таким образом дополнительные затраты за этот период времени оказались весьма неэффективными и даже не окупались дополнительной продукцией» [14, С. 13].

Не трудно убедиться, что в очередной констатации А. А. Никонов с опорой на стоимостные показатели показывает тот же самый феномен – рентабельность социалистического сельского хозяйства одного из самых передовых регионов СССР к 1970 году явно снижалась. Напрашивается почти очевидный вывод: «Если до интенсификации рентабельность сельхозпроизводства была выше, а после очевидного освоения в производстве интенсивных методов хозяйствования рентабельность стала меньше, то снижение рентабельности фактически связана с...». В неоконченной фразе читателю предоставляется возможность вставить одно из двух словосочетаний – или «интенсификацией производства», или «организацией и технологией»

Можно с высокой степенью ожидания утверждать, что подавляющее число читателей выберет слова «интенсификацией производства». Однако мы уже знаем, что А. А. Никонов выбрал другие слова «организацией и технологией». Выбрал, но не доказал. И этот выбор не случаен. Совсем недавно был снят с должности Президент ВАСХНИЛ Т. Д. Лысенко. Именно Т. Д. Лысенко в пятидесятые годы поставил под сомнение концепцию химического питания растений. Он полагал, что концепция питания должна опираться на почвенные микроорганизмы [17]. И это было явное посягательство на роль минеральных удобрений, а значит и интенсификации. Но Т. Д. Лысенко в том споре с агрохимиками проиграл, хотя был биологом. Идти по пути Т. Д. Лысенко А. А. Никонов не имел возможности. Поэтому, он снижение рентабельности объяснил, исходя из образования, «организацией и технологией».

Аналогичен анализ А. А. Никонова по фондоотдаче и энерговооруженности: «Если в трехлетие 1960–1962 гг. стоимость основных производственных фондов и валовой продукции принять за 100, то в трехлетие 1966–1968 гг. фонды достигают 161, а продукция – только 121. На один рубль основных производственных фондов в первое трехлетие получено продукции стоимостью 1,51 руб., в последнее же – только 1,15 руб. Это свидетельствует о резком снижении фондоотдачи.

Производительность труда также отстает от темпам роста от энерговооруженности (табл.10). Так, с 1960–1962 до 1966–1968 гг. в колхозах и совхозах энерговооруженность выросла на 37%, тогда как стоимость продукции в расчете на одного работающего – всего лишь на 20%. Это свидетельствует либо о недостаточно полном использовании техники,

либо о несовершенной структуре производственных фондов, либо о плохой организации труда и низкой трудовой дисциплине, либо о наличии всех этих недостатков вместе» [14, С. 16].

Однако в этом случае к причинам отсталости производительности труда он относит не только организационные и технологические особенности производства, но и либо несовершенную структуру фондов, либо плохую организацию труда, либо плохую организацию труда и низкую трудовую дисциплину, либо все вместе. И опять, как и ранее, это только гипотезы экономического порядка, перечисляемые без доказательств.

Точно также А. А. Никонов говорит о фонде оплаты труда и результатах этого труда: «Фонд оплаты труда в колхозах и совхозах опережает рост производительности труда. Так, при увеличении последней за рассматриваемый промежуток времени на 20% фонд оплаты труда вырос на 56%. Здесь также образовались своеобразные «ножницы». Если в трехлетие 1960–1962 гг. на один рубль заработной платы выход валовой продукции составил 3,74 руб., то в трехлетие 1966–1968 гг. – всего лишь 2,87 руб., или, на 23% меньше» [14, С. 19].

В качестве объяснения последнего феномена А. А. Никонов вновь возвращается к прежней гипотезе: «Они возникли на более высоком уровне развития производительных сил и свидетельствуют о противоречиях между новой обстановкой, с одной стороны, и современной организацией и технологией, – с другой» [14, С. 19].

Вместе с тем А. А. Никонов, без указания имен, приводит и иное мнение о возможных причинах наблюдаемого феномена снижения рентабельности производства: «Раздаются и другие голоса о якобы неизбежном снижении экономической эффективности по мере возрастания уровня интенсификации. Это уже граничит с признанием небезызвестного закона убывающего плодородия почвы или снижающейся производительности. Так ли это? Имеются ли в реальной действительности примеры, опровергающие подобные рассуждения? Единственно верный ответ может дать практика» [14, С. 21].

Не трудно убедиться, что первое предложение этой сложной мысли фактически совпадают с наблюдениями самого А. А. Никонова. Однако совершенно непонятно, почему снижение экономической эффективности от уровня роста интенсификации расшифровывалось другими голосами в качестве некоего признания закона убывающего плодородия. Меж тем, если некие безвестные нам голоса предполагали, что повышение доз использования минеральных удобрений, под которым понимается интенсификация в земледелии, приводит к снижению урожайности, приходящейся на один килограмм растущего количества минеральных удобрений, то это вполне очевидный результат практики. Но как результат он явно противоречил теории минерального питания растений и теории почвенного плодородия, связываемого с количеством вносимых

в почву минеральных удобрений. Но там, где имеются противоречия между практикой и теорией, может быть спрятана тайна, раскрытием которой необходимо должна заниматься наука. К сожалению, в лежащем на поверхности противоречии не увидели стимул для исследований. А сама мысль А. А. Никонова о том, что *«верный ответ может дать практика»* носила характер софистики, ибо результат снижения эффективности производства наблюдался именно при очевидном громадном росте применяемых (на практике) в земледелии минеральных удобрений. Однако исследования в этом направлении в институте, возглавляемом А. А. Никоновым, не проводились, так как в пролетарской экономике указанный закон убывающего плодородия (экономисты А. Р. Ж. Тюрго и Э. Уэст), хотя и не был связан с использованием минеральных удобрений, но был отвергнут Марксом после работ немецкого химика Ю. Либиха, обусловивших широкое применение минеральных удобрений в земледелии.

Может быть, неким оправданием притупления реакции науки на снижение рентабельности при относительно высоком росте применения минеральных удобрений, является наложение на производственную деятельность неблагоприятных условий, которые отмечает А. А. Никонов: *«В 1969 г. вследствие пыльных бурь, засухи и суховеев, вымерзания озимых и других неблагоприятных условий объем продукции резко снизился, он был на 20% ниже предыдущего, 1968 г., хотя и тогда он не поднялся выше сравнительно благоприятного 1966 г.»* [14, С. 6].

Вместе с тем, эти природные аномалии наблюдались всего однажды (1969 г.), в то время как снижение рентабельности сопровождало весь период роста интенсификации производства после 1954 г.

Своеобразным моментом исследуемого труда А. А. Никонова является мысль о том, что: *«Необходима постоянная забота о сохранении почвы и повышении ее плодородия. Здесь, по крайней мере, три бича: абсолютное уменьшение используемых площадей, как в целом, так и в расчете на душу населения; разрушение почвы вследствие эрозии и истощение питательных веществ в результате беспорядочного использования»* [14, С. 27]. Своеобразие заключается в том, что А. А. Никонов призывает к повышению плодородия почвы, которое истощается, по его мнению, из-за *«беспорядочного использования»*, приводящего к *«истощению питательных веществ»*. Здесь опять проявляется стиль субъективного отношения к констатации, когда как вместо констатации необходимо было бы обосновать очередной вывод. Да и само составное понятие *«истощение питательных веществ»* весьма сложно для восприятия, так как не совпадает со смыслом бытовавшего среди аграрных ученых мнения о снижении почвенного плодородия из-за выноса очередным урожаем питательных элементов из почвы. Тем более, что уже в это время в СССР широкое применение получил учебник, в котором в 1967 г. приводился научно установленный факт наличия в почвах СССР гигантского количества

питательных веществ, в пересчете на азот, фосфор и калий, в размере до 100 тонн на гектаре в 20 сантиметровом слое пашни [18, С.106]. Но даже эта истина, нашедшая отражение в учебнике для аграрных вузов, не помешала А. А. Никонову прийти к предположению об истощении, когда, как известно, что с урожаем из почвы выносятся минеральных питательных веществ не более пяти процентов от веса урожая. Т. е., например, при урожайности 10 ц/га из данного поля с одного гектара выносятся не более 50 кг минеральных веществ. И это при том, что в почвенном поглощающем комплексе этого же поля в одном гектаре находится до 100 тонн тех же самых минеральных веществ. Следовательно, даже сопоставление приведенных количеств по наличию и выносу питательных веществ уже приводило к необходимости задуматься о явной алогичности вывода о некоем истощении почвы, да еще от некоего ее *«беспорядочного использования»*. Этот факт в очередной раз подтверждает поверхностность суждений ученого как агронома-экономиста, который в последующие двадцать лет определял развитие аграрной науки СССР, и выработку решений правительства социалистического государства, включая разработку Продовольственной программы СССР.

Характерный стиль изложения А. А. Никоновым еще одной проблемы проявляется в очередном абзаце: *«Мероприятия по защите почв от разрушения известны, они разработаны, соответствующие рекомендации одобрены Академией сельскохозяйственных наук им. Ленина и утверждены исполкомом краевого Совета депутатов трудящихся. Следовало бы отметить лишь некоторые принципиальные положения этих мероприятий... Защиту почвы следует считать всенародным делом и взять под контроль всех государственных, партийных, сельскохозяйственных и общественных организаций»* [14, С. 29].

Из этого абзаца следует, что в шестидесятые годы Академия сельскохозяйственных наук СССР из центра по разработке теории аграрного производства превратилась в своеобразного статиста, уровень которого был ниже краевого Совета депутатов трудящихся. Но главная особенность здесь заключалась в том, что А. А. Никонов (последняя мысль приведенного абзаца) ощущал себя не научным работником, а идеологом сельскохозяйственных мероприятий в масштабах государства.

Любопытным моментом рассматриваемого труда А. А. Никонова является сопровождение текста не ссылками на результаты научно-исследовательских работ возглавляемого им института, а на статистику практических мероприятий, проводимых в отдельных хозяйствах или зарубежный опыт: *«Хозяйства, успешно осваивающие севообороты, улучшили использование земли. В этом отношении заслуживает внимания опыт колхоза им. Кирова Александровского района»* [14, С. 31].

Аналогичны по характеру замечания А. А. Никонова о парах: *«До сих пор иногда высказываются взгляды, что пар является признаком экстенсивного*

земледелия на том основании, что земля де «гуляет» целый год. В действительности это не так. Об экстенсивном хозяйстве говорит наличие необрабатываемой толоки, зеленеющей с весны до самого сева озимых и используемой, для выпаса скота. Настоящий пар нуждается в интенсивных обработках и заботливом уходе, он не допускает сорняков, удобряется, накапливает влагу и питательные вещества, а вовсе не «гуляет». Как по затратам, так и по выходу продукции это весьма интенсивное, а вовсе не экстенсивное использование земли. Современное состояние с энергетическими средствами в хозяйствах позволяет пары обрабатывать высококачественно и своевременно. Чистый пар должен быть неотъемлемым и обязательным звеном» [14, С. 34]

«В 1969 г. здесь по чистому пару намолочено по 58,6 ц озимой пшеницы с гектара, а по занятым различными бобовыми и смесями бобовых и злаковых (эспарцет, горох, чина, озимая вика с пшеницей, овес с пелюшкой, овес с викой, подсолнечник с пелюшкой на корм) – от 50 до 54 ц с га» [14, С. 35].

От чистых констатаций литературного порядка результатов в земледелии экономист переходит к поверхностным суждениям о садоводстве: «Мировая наука и практика в последнее время последовательно переходит к интенсивному садоводству. Преимущества его не вызывают сомнения. Задачи сейчас заключаются в том, чтобы удачно подобрать участки, выявить наиболее засухоустойчивые подвои и сорта для различных районов Ставрополя. Этим, в настоящее время, занимается созданная в Ставропольском НИИСХ лаборатория плодородства» [14, С. 46].

Не забывает А. А. Никонов отметить свое согласие с теорией и практикой применения удобрений. Однако это согласие – не есть плод анализа работы удобрений в почве, а есть формальное требование увеличения доз минеральных удобрений: «Наиболее мощным средством повышения урожайности является удобрение. Исследованиями лаборатории агрохимии Ставропольского НИИСХ установлено, что с учетом последствия, в условиях центральных районов края, 1 ц действующего вещества обеспечивает получение дополнительных 14,9 ц зерна озимой пшеницы, или 1 ц туков – 4,6 ц зерна. Характерно, что даже в крайне неблагоприятном 1969 г. в севооборотах этой лаборатории внесение удобрений обеспечило в среднем по всем вариантам добавочные 8,3 ц пшеницы с гектара. Вместе с тем эффективность удобрений далеко не всегда одинакова, она зависит от срока, способа, дозы, места внесения в севообороте и многих других факторов. Актуальность выбора наиболее эффективных способов химизации объясняется, по крайней мере, двумя обстоятельствами.

Первое состоит в необходимости внесения все больших количеств питательных веществ в почву, если мы хотим повышать урожай при сохранении и обогащении почвенного плодородия. Ежегодно происходит некомпенсируемый вынос основных элемен-

тов с урожаем. Данные по Ставропольскому краю, например, за 1968 г. представлены в таблице 23. Из этих данных видно, что с каждого гектара пашни ежегодно выносятся (если 1968 г. принять за средний) по 76,8 кг действующего вещества NPK, тогда как вносится с минеральными и органическими удобрениями всего лишь 29,1 кг. Разумеется, в этом балансе не учтены нитрификационные и другие процессы в самой почве, да и год взят только один. Берется только вынос и внесение. Кроме того, вынос рассчитан на урожай культурных растений, без учета сорняков, на долю которых в ряде мест приходится едва ли меньше питательных веществ. Почву мы обедняем, грабим, даем ей гораздо меньше, чем забираем. Потому миф о неисчерпаемых богатствах северокавказских почв столь же необоснован, как и миф о наших якобы безграничных земельных ресурсах. Без обильного удобрения не будет богатого урожая» [14, С. 53].

«Второе обстоятельство заключается в том, что применение минеральных удобрений из года в год возрастает. Этот рост медленнее, чем нам бы хотелось, но он налицо и, исходя из известных постановлений ЦК КПСС и Советского правительства, в ближайшем будущем будет более быстрым (табл. 24).

Из материалов таблицы 24 видно, что за последние 9 лет обеспеченность удобрениями увеличилась в 4,8 раза, с 4,2 до 20,1 кг действующего вещества в расчете на 1 га пашни. Абсолютный уровень еще крайне низок и не отвечает требованиям производства. Он будет возрастать» [14, С. 54].

Эти мысли А. А. Никонова не имеют никакого связного отношения к каким-либо исследованиям самого автора. Как по форме изложения, так и по сути содержания – эти констатации автора носят сугубо беллетристический субъективный характер.

Такой же характер присущ его очередным мыслям: «Всем известно, какое большое экономическое значение имеет качество зерна, шерсти, молока, мяса. И, с другой стороны, какие потери несет хозяйства из-за низкого качества продуктов. Потому не только количество, но и качество продукции должно находиться всегда в центре внимания, как это подчеркивается в материалах декабрьского (1969 г.) Пленума ЦК КПСС» [14, С. 60].

«Самым крупным недостатком является низкая продуктивность скота и птицы. Средние удои на фуражную корову в хозяйствах края никогда не превышали 2250 кг, в 1968 г. они были 2243, а в 1969 г. – 2016 кг» [14, С. 61].

Эта мысль автора – очередное свидетельство алогичности мышления доктора экономических наук. Ведь «низкая продуктивность» сама по себе не является недостатком, а является следствием каких-то недостатков в работе животноводов. Но эти недостатки остаются не выявленными, что сводит это место научного труда директора института к изложению своих мыслей вне требований, предъявляемых к научным исследованиям.

Подобными признаками обладают и последующие размышления автора: *«Не можем мы похвалиться и высокими привесами на откорме скота. Так, среднесуточный привес крупного рогатого скота в 1968 г. достиг 395 и в 1969 г. – 363 г, привес свиней, соответственно, 309 и 290, овец – 64 и 60 г. Естественно, что такие привесы не могут обеспечить рентабельного производства мяса. Известно, что нормальными привесами на откорме крупного рогатого скота следует считать не ниже 800 г в сутки, а свиней–450–500 г»* [14, С. 62].

«Технология и организация животноводческих отраслей должна предусматривать не только желательную степень концентрации, соответствующие помещения и оборудование, подготовку кадров и дисциплину труда, но всю ее следует целеустремленно направлять на интенсификацию. Известно, например, что на получение 1 кг привеса у молодняка крупного рогатого скота в 2-летнем возрасте даже при полноценной кормлении затрачивается более 15 кормовых единиц, т.е. вдвое больше, чем в 10–12-месячном, Совершенно бесхозяйственным является откорм животных старше 18 месяцев, но к этому возрасту вес молодняка надо довести до 400 кг» [14, С. 70].

«Производительность труда зависит от энерговооруженности, которая неуклонно растет, от урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности животноводства, а также организации труда и трудовой дисциплины. Несколько подробнее рассмотрим эти вопросы на примере молочного животноводства, где занято более 35 тыс. колхозников и рабочих совхозов, причем круглый год, без сезонных интервалов» [14, С. 71].

«Таким образом, освоение орхозпланов, предусматривающее рациональное использование комплексно таких ресурсов, как земля с водой, рабочая сила и техника, позволяет резко повысить экономическую эффективность всего сельскохозяйственного производства» [14, С. 77]

Заканчивается труд А. А. Никонова одиннадцатью выводами, в которых также не усматривается научно-исследовательский характер. Для убеждения в этом достаточно привести первые четыре вывода:

«1. В современных условиях исключительно важное значение приобретает рациональное использование производственных ресурсов социалистического сельского хозяйства: земли, воды, рабочей силы, техники, растительных и животных организмов. Производство в колхозах и совхозах должно быть организовано таким образом, чтобы обеспечить рост продукции в расчете на единицу земельной площади, единицу рабочего времени и единицу производственных издержек.

2. Колхозы и совхозы Ставрополя располагают богатыми земельными ресурсами, в крае расширяется орошение, пополняется и обновляется энергетическая база, осуществляется интенсификация во всех ее основных направлениях, имеется достаточное количество трудоспособного население.

Вместе с тем главное средство производства – земля подвергается усиливающейся эрозии, а урожаи в сильной мере зависят от складывающихся погодных условий.

3. Объем производства сельскохозяйственной продукции возрастает, однако в неблагоприятные годы наблюдается его сокращение. Темпы роста за последнее время замедлились, среднегодовое производство зерна в 1966–1969 гг. даже снизилось по сравнению с пятилетием 1961–1965 гг. Имеет место отставание производительности труда от роста фонда заработной платы и энерговооруженности, объем затрат возрастает быстрее, чем стоимость валовой продукции. Преодоление возникших трудностей возможно только путем полного и рационального использования всех производственных ресурсов.

4. Для правильного использования земли необходимо ее хорошо знать, охранять от разрушения и рационально эксплуатировать.

В современных условиях весьма важно иметь земельный кадастр, который может стать научной основой планирования и руководства, финансовой и заготовительной политики. Потому необходимо ускорить работы по бонитировке и экономической оценке почв края» [14, С. 78].

Не трудно убедиться, что научность в этих выводах заменена на желательность каких-то мер, которые могли бы привести к улучшению дел в сельском хозяйстве.

Поскольку формальные констатации в книге А. А. Никонова фактически заменили собой научные изыскания, то можно прийти к выводу о том, что к 1970 году А. А. Никонов окончательно сформировался не как ученый, а как советник-администратор сельскохозяйственного производства. Предыдущий жизненный опыт, а к 43 годам за плечами А. А. Никонова уже были должности секретаря Латвийского ЦК партии и министра сельского хозяйства, в рассматриваемом случае сыграл определяющую роль.

Других крупных работ А. А. Никонова в области аграрной науки, проведенных им до 1973 г. не удалось обнаружить. Вероятно, докторская диссертация по аграрной экономике была основана на разобранной выше работе. В ней мы не находим развития экономической теории применительно к аграрному производству. В книге «Производственные типы колхозов и совхозов Ставрополя», выпущенной в 1973 г., так же нет научного вклада в развитие экономической теории [19].

С учетом изложенного можно утверждать, что присуждение А. А. Никонову в 1973 году за работу «Экономические основы системы сельского хозяйства (на примере Ставропольского края)» ученой степени доктора экономических наук как директору НИИ сельского хозяйства одного из ведущих регионов СССР, не отражало реальных научных экономических достижений соискателя докторской степени. С этого момента в аграрной экономике научные исследования, в лучшем случае, стали повторять

выводы ученых прошлого и подменяться рекомендациями с гипотетичным и необоснованным характером.

И хотя А. А. Никонов уже больше не становился ведущим партийным и государственным деятелем, но это не помешало ему стать фактическим мотором Перестройки, ибо, как говорил Кейнс именно «Идеи экономистов и политических мыслителей – и когда они правы, и когда ошибаются – имеют гораздо большее значение, чем принято думать». В нашем же случае, идеи партийно-государственного деятеля А. А. Никонова «совместились» с его командно-административными идеями как агронома-экономиста, что дало безусловные преимущества А. А. Никонову перед государственными деятелями, не обремененными научными регалиями. Эти преимущества определялись тем, что за продвигаемые идеи в области перестройки организма сельского хозяйства государства он не нес никакой ответственности, так как формально за эти решения отвечало партийное и хозяйственное руководство. Но отсутствие режима ответственности вовсе не обозначает, что А. А. Никонов самоустранился от поиска решений по выводу сельского хозяйства СССР из затяжного кризиса. К этому его формально обязывало избрание в 1975 г. членом-корреспондентом ВАСХНИЛ, в 1978 г. – академиком ВАСХНИЛ, секретарем Отделения экономики ВАСХНИЛ, в 1982 г. – первым вице-президентом. Именно в этом году выходит его статья «Продовольственная программа СССР, ее задачи и пути реализации» [20]. Это свидетельствует о том, что именно А. А. Никонов являлся руководителем научного блока, который отвечал за составление Продовольственной программы.

Следующая работа «Основные направления развития сельскохозяйственной науки в СССР» А. А. Никонова выходит в 1985 г. [21].

Рассматривая сельскохозяйственную политику СССР 1970–1987 гг. не трудно было заметить, что стержнем этой политики была опора на личные подсобные хозяйства [7, 8, 9, 10]. Анализ мероприятий ЦК КПСС и Советского правительства в указанном направлении выявил их ошибочность, допущенную из-за наличия в теории аграрной экономики недоработок и заблуждений [11]. Но лишь теперь, после ознакомления с трудами А. А. Никонова, можно с уверенностью сказать, что отсталость сельскохозяйственной экономики в теоретическом и практическом направлениях, в немалой степени, определялась выдвиганием в лидеры аграрной науки партийного функционера, организаторский талант которого доминировал над способностями к научным исследованиям. Поэтому не случайно, что уже в 1988 г., а в это время спад рентабельности на фоне продолжающегося роста инвестиций в сельскохозяйственном производстве СССР приобрел катастрофический характер, А. А. Никонов неожиданно обращается к творчеству А. В. Чаянова. К этому моменту колхозно-совхозное производство было перестроено на прямую поддержку лич-

ного подсобного хозяйства, а спасением советского животноводства занимались коллективы промышленных предприятий двумя способами. По первому значительное число колхозов передавались в состав промышленных предприятий. По второму рабочие и служащие промышленных предприятий были задействованы в запасании веточного корма для крупного рогатого скота, поголовье которого в СССР к 1987 году составляло 120,6 млн. голов.

В очередной работе «Развитие кооперации и решение продовольственной проблемы» (1988 г), посвященной четвертому съезду колхозников, А. А. Никонов ни разу не упомянул Продовольственную программу СССР, фактически разработанную под его руководством и принятую в 1982 г. Большой жизненный опыт ему уже подсказал – Продовольственная программа не работала. Но он продолжал руководить ВАСХНИЛ, а, значит, фактически именно ему необходимо было бы организовать научный поиск ответов на беды в сельскохозяйственном организме. Однако научными изысканиями он не стал заниматься. В новой статье А. А. Никонов основной упор сделал на кооперацию, упомянув имя Ленина: «Можно полагать, что предстоящий IV Всесоюзный съезд колхозников придаст новый импульс демократизации управления и экономического механизма АПК, творческому использованию ленинского наследия по кооперации» [22, С. 4].

Под творческим развитием ленинского наследия в 1988 г. А.А. Никонов понимает «кооперативные принципы нужны как необходимое условие и неотъемлемая часть общего процесса формирования демократических методов хозяйствования» [22, С. 4].

Не трудно убедиться, что выход из критической ситуации в сельском хозяйстве, А.А. Никонов сводит к пожеланиям правильно использовать ресурсы сельского хозяйства. После этих рекомендаций, не содержащих расшифровки правильности, в ход пошла заготовка веточного корма, так как колхозы стали работать на обеспечение личных подсобных хозяйств колхозников, а президент ВАСХНИЛ увидел выход в демократизации управления колхозами, что было созвучно построению социализма с человеческим лицом.

После такого личного вклада в развитие экономики, как науки, с одной стороны, и практики, с другой стороны, А.А. Никонов рекомендует: «Творчески используя теоретическое наследие В. И. Ленина по аграрно-крестьянскому вопросу, следует внимательно и критически изучить историю развития кооперации» [22, С. 4].

Уже в этом предложении видна большая скорость прохождения от предложения «Творчески используя теоретическое наследие В. И. Ленина» к указанию изучить историю развития кооперации. Направление же вектора изучения истории А.А. Никонов определил не во времени от Ленина к горизонтальной кооперации, что привело к созданию колхозов, а в обратном направлении – от Ленина к кооперации по А.В. Чаянову. Труды Ленина по

вопросу о кооперации многократно публиковались после присоединения Латвии к СССР и были вполне доступны для прочтения Президентом ВАСХНИЛ. Здесь необходимо отметить, что А.А. Никонов то ли не знал ленинского наследия по кооперации, то ли специально это наследие проигнорировал, то ли уже не мог, в силу возраста, понять ленинских набросков по кооперации. Это следует из того, что в истории развития кооперации именно ленинский план кооперации предугадал развитие мирового сельского хозяйства. Происходило это развитие на пути горизонтальной кооперации, под которой понимается интеграция мелких земельных наделов вместе с хозяевами в более крупные (например, кибуци в Израиле, кооперативы в Западной Европе, на американском континенте и в Азии). Так же произошло и в России, где горизонтальная кооперация на селе дала возможность высвободить более четверти крестьянского населения для индустриализации. Мало того, именно Ленин дал нелестную оценку иным видам кооперации в деревне, включая размышления А. В. Чаянова: «Очевидно, что этот народнический рецепт – просто ребячество... Это все равно, что с ручной тачкой пытаться обогнать железнодорожный поезд...» [23].

Однако как бы там ни было на самом деле, но в работе о развитии кооперации А. А. Никонов пишет: «А. Чаянов обосновал особую роль вертикальной кооперации в укрупнении производства, в использовании его преимуществ. Им были разработаны конкретные вопросы организации и функционирования различных форм кооперации. Эти разработки не потеряли значения и в настоящее время» [22, С.5].

Здесь необходимо отметить, что А. А. Никонов, судя по его утверждению, обошелся чьим-то изложением взглядов репрессированного профессора, который первым организовал еще в царской России вертикальный кооператив по скупке льна у крестьян с целью перепродажи на внутреннем и международном рынке. Оригинал же труда А. В. Чаянова А. А. Никонов не читал. Об этом косвенно свидетельствует отсутствие ссылок в рассматриваемой статье на те, или иные работы А. В. Чаянова. Прямо же об этом свидетельствует тот факт, что у А. В. Чаянова конкретных разработок по вопросам «организации и функционирования различных форм кооперации» просто не было. А то, что было, сам А. В. Чаянов не считал ни разработкой конкретных форм коопераций ни, тем более, теорией кооперации. Более того, как показал анализ главной работы А. В. Чаянова, все его рассуждения о вертикальной кооперации свелись к нескольким гипотезам, в основе которых лежали ошибочные и противоречивые представления, полностью опровергнутые историческим ходом развития сельского хозяйства [23]. Уже только поэтому весьма странно выглядят призывы А. А. Никонова образца 1988 г.: «Сейчас необходимо вновь, применительно к современным условиям, творчески осмыслить и использовать ленинское учение о кооперации, изжить догматизм в ее трактовке. Нужно

преодолеть сложившееся ограничительное понимание форм кооперации, сведение ее в основном к развитию кооперативной собственности и кооперативных предприятий, абсолютизацию отдельных ее направлений» [22, С. 6].

Вероятно, в качестве результата творческого осмысления ленинского наследия А. А. Никонов предлагает читателю свой вариант этого осмысления: «На наш взгляд, следовало бы приложить большие усилия к возрождению достоинства крестьянина, престижности его труда. До сих пор дает о себе знать ущерб, нанесенный массам крестьянства правовой, экономической, социальной и политической незащищенностью. Здесь и «пустопорожние» трудодни и отсутствие паспорта. Да и многое из того, что делается сейчас, не способствует повышению привлекательности крестьянского труда» [22, С. 7].

Как видим, в этой фразе доминирует не научный анализ кооперации, а ничего не имеющий с ней лозунг о необходимости возрождения достоинства крестьянина. Осуждается, без приведения имен экономистов-разработчиков, и вся экономическая мысль о колхозной кооперации в виде вердикта о «пустопорожних» (почему-то взято в кавычки) трудоднях и паспортах. Используется и самокритика, хотя «делается сейчас» – это слишком скромно, ибо делается не слишком усердно, в научном смысле, к моменту констатации более двадцати лет при непосредственном участии и под руководством самого А.А. Никонова. Новое же в кооперации усматривается в том, что «В возрождении лучших черт хозяйства, издревле присущих крестьянину, особая роль принадлежит кооперации в первичных трудовых коллективах. ... За последние 2—3 года возникли новые формы первичных трудовых коллективов. ... Научные учреждения ВАСХНИЛ изучают указанные формы, моделируют, дают рекомендации по их совершенствованию. Сделана попытка классификации новых форм по типам подряда, формам оплаты и организации труда, принципам соединения со средствами производства» [22, С.7].

Из приведенной фразы следует, что «кооперация в первичных трудовых коллективах» издревле присуща «лучшим чертам хозяйства». Чего в приведенной обширной мысли больше – то ли юмора, то ли сатиры, то ли отсутствия здравого смысла, то ли иного, несовместимого с научным подходом к исследованию, – судить читателю. Но одно совершенно точно соответствует действительности – наука в лице ВАСХНИЛ стала изучать некие новые формы первичных коллективов. Под этими формами А. А. Никонов мыслит «коллективы интенсивного труда (КИТы), семейные и другие коллективы, основанные на арендных отношениях» [11, С.7].

Как бы вскользь А. А. Никонов отмечает, что «Руководители и специалисты колхозов и совхозов порой оказывают явное и неявное сопротивление подряду» [22, С. 8]. Здесь необходимо отметить, что вводимые под руководством А. А. Никонова новации действительно приводили и к диссонансу в сло-

жившиеся отношения, и к нарушению трудовой и технологической дисциплины. Диссонанс и нарушения проявились как следствие так называемой демократизации. Это сопротивление было вызвано опасением разрушения кооперативных форм собственности и хозяйствования. Видимо, это же стало беспокоить и А. А. Никонова, который указал: «Развивая нетрадиционные формы организации труда (КИТы, семейный подряд), следует исходить из того, что при этом **не ставится цель** заменить крупное производство мелким, общественную собственность – частной» [22, С. 9].

Центральным местом нового взгляда на кооперацию по А. А. Никонову является: «Развитие кооперации на уровне подрядных коллективов дает возможность по-новому взглянуть на современную структуру колхоза и совхоза. Вопрос структур мало разработан. Однако уже сейчас ясно, что колхоз и совхоз должны быть кооперативами самостоятельных хозяйственных подрядных производственных коллективов, строящих взаимоотношения на основе договоров. Сюда же входят и обслуживающие кооперативы (строительные, технические, мелиоративные, транспортные, снабженческие). Коренным образом меняются и функции правления колхоза и дирекции совхоза. Главное в их работе — создание благоприятных условий для работы первичных подрядных производственных единиц (семейных, мелкогрупповых, звеньевых, бригадных и др.), а именно: своевременное снабжение, сбыт продукции, научно-техническое обеспечение, социальное развитие, создание производственной и социальной инфраструктур. Здесь открывается простор для инициативы, предприимчивости и живого творчества» [22, С. 9].

Не трудно убедиться, что фраза «Однако уже сейчас ясно, что колхоз и совхоз должны быть кооперативами самостоятельных хозяйственных подрядных производственных коллективов, строящих взаимоотношения на основе договоров» заведомо предполагает дезинтеграцию сложившихся форм производства, ранее вобравших в себя главные черты ленинского плана горизонтальной кооперации. При этом вместо отлаженного управления административно насаждалась стихия и анархия договоров между механизаторами, полеводами, животноводами, управленцами, снабженцами и даже отдельными семьями в одном селе. При этом вполне понятно, что в разномыслящем сообществе договорников с разными профессиональными операциями обязательно возникали бы претензии друг к другу по простой банальной причине. Те, кто тратил труд и посадочный материал, те, кто добывал материально-технические ресурсы, обязательно бы требовали большую долю себе в случае низкой урожайности, что приводило бы к непрекращающимся разборкам. Новая кооперация по А. А. Никонову – даже не кооперация по А. В. Чапанову, которая была вариантом вначале XX века, но никак не могла быть эволюционным началом для разрушаемого коллективного хозяйствования. Мы уже знаем, чем закон-

чилось эта демократическая новация Президента ВАСХНИЛ А. А. Никонова – полным отступлением от кооперативных начал и разрушением основ СССР. Поэтому мысль А. А. Никонова: «Развитие многообразных форм кооперации на основе творческого использования ленинского теоретического наследия позволит пробудить инициативу трудовых коллективов колхозов, совхозов, других предприятий АПК для увеличения продовольственных ресурсов и улучшения снабжения населения страны» [11, С. 11] – примитивная, ни на чем не основанная гипотеза творца аграрной политики, не разобравшегося в трудах А.В. Чапанова [24].

Прочтение еще двух трудов А. А. Никонова об А. В. Чапанове не дает оснований для иного вывода [25, 26].

Здесь сразу же возникает два вопроса. Первый: «Кто как не А. А. Никонов до своих откровений 1988 г. должен был в качестве агронома-экономиста заниматься теоретическими исследованиями экономического организма колхозов в период с 1962 г. по 1988 г.?». Второй: «Какие конкретно научные изыскания аграрного экономиста А. А. Никонова привели его к необходимости переосмысления теории и практики аграрного производства?».

Изучение доступных к прочтению трудов А. А. Никонова показало – никаких научных экономических исследований аграрного производства с позиций кооперации агроном-экономист А. А. Никонов не производил, хотя именно на нем лежала профессиональная обязанность изучения этих вопросов. Но если это так, то корни изменения своих представлений у А. А. Никонова лежат в его юности, когда он вместе с родителями владел 12 гектарами земли, что по меркам латышского государства до 1940 года считалось весьма большим богатством. Причиной же изменения взглядов была одна – снижающаяся рентабельность советской сельскохозяйственной экономики, моральная ответственность за которую целиком и полностью лежала на плечах А. А. Никонова, в руках которого с 1962 года оказалась непосильная ноша осмысления аграрной экономики и производственного организма социалистической формы аграрного производства. В оправдание А. А. Никонова, как самого маститого представителя аграрной экономической мысли СССР последних тридцати лет перед разрушением государства, может быть положен только факт весьма глубоких заблуждений в науках, обслуживающих сельское хозяйство [27 ÷ 32].

Как показывает прочтение очередного труда А. А. Никонова, изменение его воззрений носит глубокий радикальный характер [33]. В этом труде он пишет: «*Перефразируя известные слова П. А. Столыпина, можно сказать, что нам нужны не великие потрясения, которыми так богата российская история, нам нужна Великая Россия*» [33]. Данная мысль носит характер черного юмора. Если Столыпин хотел видеть Россию великой путем предотвращения ее распада, то А. А. Никонов провозглашает

«нам нужна Великая Россия» в момент, следующий за моментом «успешного» с его участием разрушения организма государства, ибо главной составляющей этого организма является сельское хозяйство. Но этот факт не смущает академика, и он продолжает: «Причины хронической болезни нашего аграрного сектора общеизвестны. Многие вопросы не решались веками. Например, вопрос: надо ли крестьянину иметь недвижимость, землю как собственность? – был поставлен еще Екатериной II в 1766 г., то есть 225 лет тому назад, а решается только сейчас» [33, С. 10].

Таким образом, А.А. Никонов не скрывает своего удовлетворения начавшимся с 1991 г. переделом земли из формы кооперативной собственности в форму частную.

Далее, упоминая о том, что после 1991 г. «Всего же собственниками и владельцами являются 34 млн. семей», А. А. Никонов констатирует: «Казалось бы, что это – радикальное изменение колхозно-совхозного строя. Была надежда, что путем переустройства удастся сочетать два принципа: сделать каждого крестьянина собственником и сохранить созданную инфраструктуру» [33, С. 11]. Этот пассаж А. А. Никонова необходимо сопоставить с его высказыванием 1988 г., то есть всего за три года до Перестройки: «Развивая нетрадиционные формы организации труда (КИТы, семейный подряд), следует исходить из того, что при этом **не ставится цель** заменить крупное производство мелким, общественную собственность – частной» [11, С. 9].

Полагаю, что у читателя нет сомнений в том, что до Перестройки А. А. Никонов откровенно врал, что доказывается словами «Была надежда». При этом все новации А. А. Никонова по разделению колхозного организма на отдельные звенья с договорными отношениями друг с другом, глупыми по содержанию, не могли не привести к возбуждению в крестьянской среде раздоров и склок, разочарованию колхозом и желание иметь землю. Сейчас просто приходится удивляться, что не все крестьяне поддались этому соблазнительному приему, а те, кто поддался – четко увидели, что возиться на клочке земли – есть идея экономически бесперспективная ввиду непосильного для крестьянина роста издержек, а потому ведущая к потере земельного участка, с последующим вымиранием.

Далее А. А. Никонов продолжает: «От самостоятельного ведения хозяйства крестьян сдерживают: трудности в приобретении техники (80%), отсутствие финансовых средств (77,9 %), страх риска (70,9%)...» [33, С. 11].

Приведенный абзац доказывает, что А. А. Никонов никогда не имел основополагающих представлений об экономике, ибо об этих причинах сдерживания развития крестьянского мелкого хозяйства говорил К. Маркс до 1867 г. И уже только поэтому не надо было разрушать колхозы. Это мнение подтверждается промежуточными результатами реформ, проведенных по планам, разработанным при непосредственном участии А. А. Никонова: «Таким образом, прежде

всего, произошло раздробление и изменение организационного типа более чем 2/3 бывших крупных предприятий – колхозов и совхозов. Значительная часть и ресурсов, и производственной деятельности переместилась из предприятий в мелкое производство – в хозяйства населения и фермерские (крестьянские) хозяйства. Реформа привела к резкому сокращению объемов производства в сельскохозяйственных предприятиях. В сопоставимых ценах физический объем продукции сельского хозяйства предприятий составил в 1999 г. 37% от уровня 1990 г., в том числе 44,2% в растениеводстве и 32,5% в животноводстве» [34].

В конце статьи А. А. Никонов, занимавший пост директора созданного им самим Аграрного института, пишет: «Аграрная наука пострадала не меньше производства от разрушительного романтизма последних лет» [33, С. 11].

Возможно, у некоторых читателей в этом месте возникнет мнение, что сравнение глупости с романтизмом – это еще одно командно-административное свойство мышления научного руководителя Перестройки. На самом же деле, мнение о страданиях аграрной науки на фоне разрушаемого с восьмидесятых годов XX века неуклюжими новациями сельского хозяйства с вымирающим крестьянством – зияющая высота мышления создателя аграрной политики о безвинно пострадавшей науке.

В 1995 г. издана книга о драме науки и политики, в которой А. А. Никоновым задано много вопросов, среди которых выделяются: «Почему многие так легко идут за красивыми лозунгами? И почему мы бросаемся из одной крайности в другую?» [35, С. 7].

Представляется, что в предложенном читателю анализе на этот и иные вопросы даны исчерпывающие ответы. Из представленных обоснований следует, что после 1945 г. аграрная экономика не смогла найти правильный ответ о причинах снижения рентабельности сельскохозяйственного производства, так как собственно экономической теорией не занималась. Другой возможный ответ является следствием невыполненных пожеланий А. А. Никонова: «Следовало бы ввести неотвратимую партийно-государственную и материальную ответственность работников вышестоящих управленческих звеньев за негативные последствия навязываемых ими решений. Это вполне отвечает духу январского и июньского (1987 г.) Пленумов ЦК КПСС» [22, С. 10].

При этом вполне ясно, что если бы такая ответственность и была бы введена, то эта ответственность принципиально выводила бы из-под ответственности научных руководителей Перестройки, ибо эти научные руководители не относились к работникам «вышестоящих управленческих звеньев». Одновременно, высшие управленцы, если в их действиях не было умысла по разрушению сельского хозяйства, спокойно уходили бы от ответственности, так как целиком и полностью осуществляли рекомендации ученых экономистов-аграриев, включая А. А. Никонова, не разобравшихся в причинах деградации сельского хозяйства.

Вместе с тем в настоящем анализе остается открытым вопрос о существенных причинах снижения рентабельности в колхозах и совхозах СССР после повышения в десятки раз интенсивности за счет гигантского роста поставок селу минеральных удобрений в начале шестидесятых годов XX века. Для понимания вопроса нам придется обратиться к опыту работы колхозов и совхозов на целинных землях. Так «В 1954–1955 гг. колхозы и совхозы Челябинской области подняли 724 тыс. га целинных и залежных земель вместо 440 тыс. га запланированных; из первого целинного урожая продали государству 47 млн. пудов зерна, в два раза больше, чем в предыдущие годы и в два раза дешевле, чем в целом по области» [36].

Приведенный факт, выразившийся в низкой себестоимости урожая зерновых, повторился на всех ценных землях после 1954 г. [37]. Но в последующие годы на целинных землях себестоимость урожая росла вследствие роста издержек точно так же, как и на землях, освоенных на десятки лет раньше. Причины этого феномена стали искать, как мы уже знаем, в организационных формах коллективного труда и недостатках интенсификации. Первым же побудительным мотивом к поиску иных причин, являлась недоработка теории прибавочной стоимости, отраженная в третьем томе «Капитала» Маркса. Подробно этот вопрос освещен в монографии [38]. Уже сам Маркс пришел к выводу, что сельскохозяйственная стоимость определяется не только трудом. Но до конца довести свои исследования Марксу помешало отсутствие необходимых сведений из биологии. Такие сведения были обобщены в монографии А. Н. Илялетдинова лишь в 1966 г., хотя отдельные сведения, проливающие свет на проблему, стали известны из работ А. Н. Виноградского в 1892 г. [39, 40]. Однако углубляющаяся специализация отдельных наук привела к недопустимому разобщению исследований и потере интереса ученых к смежным отраслям знания. Да и проблемы экономической теории, на которые натолкнулся Маркс, остались незамеченными экономистами и в СССР, и на Западе. Одно непонятно, почему мимо этих проблем прошли именно аграрные экономисты. Скорее всего, до прочтения третьего тома «Капитала» просто не доходили руки. А если бы дошли, то экономисты вполне могли бы увидеть, что продукт как потребительная стоимость, производимая сельским хозяйством, не определяется только трудом. Но раз так, то искать ответы на падающую рентабельность в виде организационных мероприятий форм собственности и труда – было и необоснованно, и неосмотрительно.

На сегодняшний день работами советских исследователей установлено отрицательное влияние минеральных удобрений на микробиологическую активность почвенной биоты [41, 42, 43]. Однако не только применение минеральных удобрений ведет к относительному снижению почвенного плодородия. Как выявлено в окончательной форме к 2011 году, в сельском хозяйстве естественное поч-

венное плодородие действительно падает тем быстрее и больше, чем больше получают урожай в текущем году. В результате меньше возвращается в кругооборот в агроценозе органическое вещество этого урожая, переводимого в сельском хозяйстве в органическое вещество навоза в соответствии с законами биоконверсии [44, 45]. Поскольку в шестидесятые годы в хорошо организованном сельском хозяйстве Ставрополья навоз подвергали компостированию, постольку в получаемом компосте к моменту внесения его на поля практически не оставалось органического вещества свежего навоза, что приводило к массовому «голоду» биоты почвы. В довершение всего именно по рекомендациям Ставропольского НИИ сельского хозяйства в Ставропольском крае перешли к интенсификации, выразившейся в увеличении внесения в десятки раз количества минеральных удобрений на поля хозяйств. Как следствие, биота почвы последовательно подвергалась угнетению. В результате простого копирования ставропольской наукой западных подходов к интенсификации естественное почвенное плодородие полей стало падать. Это явилось главной причиной снижения рентабельности, ибо рост издержек на минеральные удобрения одновременно приводил к снижению урожайности из-за снижения активности биоты почвы. Поэтому можно утверждать, что гипотетическое объяснение А. А. Никоновым падения эффективности в сельском хозяйстве некими организационными признаками являлось ошибочным, поверхностно-субъективным мнением руководителя аграрной науки края. Т. е. мнение директора не соответствовало сущности причин снижения урожайности, так как было связано им только с организационными признаками советских хозяйств. Эта ошибка многократно усилилась после того, как А. А. Никонов, не разобравшись в причинах снижения рентабельности производства в колхозах и совхозах в шестидесятые годы XX века, после переезда в Москву и избрания академиком (1978), а затем Президентом ВАСХНИЛ, рекомендовал интенсификацию для освоения во всем земледелии СССР. Как следствие, дела в сельском хозяйстве могучего государства уже принципиально не могли быть исправлены. Образовавшаяся дыра в сельскохозяйственной экономике СССР лишь усугублялась ошибками по мерам государственной поддержки личных подсобных хозяйств, осуществленным ЦК КПСС по совету экономического блока ВАСХНИЛ [11], что предопределило превращение этой дыры в черную пропасть экономики. Инерция в осмыслении существенных причин падения рентабельности сельхозпроизводства обусловила невозможность решения важнейшей для сельского хозяйства СССР проблемы. Проблема эта заключалась не в усовершенствовании и перекройке организационных форм хозяйствования, а в устранении нарушения закона круговорота органического вещества в агроценозе, как экологической системе с активным участием человека [46]. Нужна была не организационная реформа, а технологическая [47].

Однако в аграрной науке о таком варианте даже не догадывались. Об этом свидетельствуют материалы сессии ВАСХНИЛ в 1990 г. Их анализ показал, что сессия прошла мимо сущности причин тяжелого положения в сельском хозяйстве. Но уже тогда было понятно, что «Интенсивные технологии без интенсивного воспроизводства плодородия почвы, – это ускоренный путь в небытие» [48].

Любопытно, но факт, вице-президент ВАСХНИЛ А. Н. Каштанов писал: «Практически в большинстве хозяйств «интенсивные технологии» не дают должной отдачи» [49]. Но эта констатация 1990 года уже не могла препятствовать разрушению.

Здесь необходимо отметить, что именно в период работы А. А. Никонова директором Ставропольского научно-исследовательского института сельского хозяйства, последовательно вторым секретарем, а затем первым секретарем Ставропольского обкома партии (1968 г. – 1970 г.) стал М.С. Горбачев, который в 1967 г. заочно окончил Ставропольский сельскохозяйственный институт и получил специальность агронома-экономиста. Вполне очевидно, что авторитет А. А. Никонова, как бывшего партийного работника КПСС высокого ранга (секретарь Латвийского ЦК), агронома-экономиста, кандидата экономических наук и директора института, бывшего на 13 лет старше М.С. Горбачева, был для последнего, ставшего в 39 лет первым секретарем крайкома партии просто непрекаем. Усилилось это влияние особенно после того, как А. А. Никонов в 1973 году защитил докторскую диссертацию по экономике. Вполне понятно, что первый секретарь крайкома как агроном-экономист без степени, общавшийся по главной для края теме сельского хозяйства с главным научным авторитетом того же края, не мог не находиться под влиянием мировоззрения директора сельскохозяйственного института края и специалиста в области аграрной экономики.

После занятия должности секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачев способствовал избранию А.А. Никонова Президентом ВАСХНИЛ и способствовал переводу из Ставрополя в Москву В. С. Мураховского в качестве Первого заместителя Председателя Совета Министров СССР, председателя Государственного агропромышленного комитета СССР.

В сложившемся триумvirате главную роль в выработке аграрной политики, бесспорно, играл академик А. А. Никонов. Однако его экономическое мировоззрение, оторванное от сути земледелия, не могло освободиться от цепких объятий заблуждений в теории почвенного плодородия и питания растений, приведших к низкой производительности труда в земледелии и животноводстве [38]. Как следствие, он не имел возможности разглядеть истинные причины уменьшающейся рентабельности сельскохозяйственного производства. Это сыграло злую шутку с его мировоззрением как экономиста. От курса на развитие крупного кооперативного хозяйства он перешел на курс дробления колхозов и совхозов. Это предредило судьбу СССР, как это с удивитель-

ной точностью предсказал В. И. Ленин: «Если мы будем сидеть по-старому в мелких хозяйствах, хотя и вольными гражданами на вольной земле, нам все равно грозит неминуемая гибель» [50].

Управленцы аграрной отрасли через двадцать лет после разрушения СССР также обратили внимание на отстраненность аграрных экономистов от проблем отрасли. На сегодняшний день ответ на вопрос корреспондента: «Представитель Минсельхоза – в претензии к руководителям науки. А что думают они?» [51], – вполне ясен. Заблуждения в науках вплоть до настоящего времени тормозят развитие сельского хозяйства не только в России. Об этом свидетельствует гигантский мировой кризис, обусловленный снижением естественного почвенного плодородия вследствие нарушения законов природы из-за заблуждений в аграрных науках. Именно это привело к снижению производства пищи, ухудшению ее качества, её многократному удорожанию, переходу на генномодифицированные растения (нормальные в почве не дают должного урожая), росту числа заболеваний населения, включая психофизиологические заболевания детей [52]. Но такова сила заблуждений, определенных Сократом как наилучшее из зол. Эти заблуждения в аграрных науках уже привели к тяжелым хроническим «заболеваниям» сельского хозяйства России, выразившимся в трехкратном снижении производства пищи. Значит, проблема в научных заблуждениях и институциональных ловушках. Задержка решения проблемы научных заблуждений препятствует нормальному развитию производства пищи [53]. Одновременно, если не решить проблему преодоления институциональных ловушек и теоретических заблуждений в аграрных науках, то вместо импортозамещения государство российское, как представляется, ждут новые социальные потрясения [54, 55, 56].

Список литературы

1. Кейнс Д. М. Общая теория занятости, процента и денег. – М.: Гелиос АРВ, 2002.
2. Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. – М., «Финансы и статистика», 1986.
3. Артюшин А. М., Державин Л. М., Краткий справочник по удобрениям, 2 изд.. – М., 1984.
4. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 14 февраля 1956 г. № 253 «О мерах по улучшению работы научно-исследовательских учреждений по сельскому хозяйству».
5. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 2 октября 1968 г. № 786 «О мерах по дальнейшему улучшению научно-исследовательских работ в области сельского хозяйства» (СП СССР, 1968, N 19, ст. 133).
6. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 26 августа 1976 г. № 703 «О мерах по дальнейшему повышению эффективности сельскохозяйственной науки и укреплению ее связи с производством» (СП СССР, 1976, № 21, ст. 103).

7. Постановление ЦК КПСС, СОВМИНА СССР от 14.09.1977 № 843 «О личных подсобных хозяйствах колхозников, рабочих, служащих и других граждан и коллективном садоводстве и огородничестве».
8. Постановление ЦК КПСС, СОВМИНА СССР от 15.06.1978 № 500 «О мерах по увеличению производства и повышению качества кормов в 1978–1985 годах».
9. Постановление ЦК КПСС, СОВМИНА СССР от 08.01.1981 № 27 «О дополнительных мерах по увеличению производства сельскохозяйственной продукции в личных подсобных хозяйствах граждан» (по состоянию на 7 октября 2006 года)
10. Постановление ЦК КПСС, СОВМИНА СССР от 19.09.1987 № 1080 «О дальнейшем развитии подсобных сельских хозяйств предприятий, организаций и учреждений».
11. *Тарханов О. В.* Личные подсобные хозяйства и экономика // *Аграрный вестник Урала*. – 2008. – № 8. – с.13–19.
12. *Тарханов О. В.* Экономическая социология и государство // *Национальная безопасность и стратегическое планирование*. – 2014. – № 4(8). – с. 57-73.
13. *Пыталовская средняя общеобразовательная школа* // *Материал из ПскоВики – сайта педагогического сообщества Псковской области*.
14. *Никонов А. А.* Пути повышения эффективности использования производственных ресурсов колхозов. – Ставрополь, 1970. – 80 с.
15. *Колумелла.* Сельское хозяйство. Кн. 11. / Перевод, вступительная статья и комментарии Л. В. Болтинской // *Вопросы всеобщей истории*. – Красноярск, 1971.
16. Великая Страна СССР. Минеральные удобрения // [mailto: admin@great-country.ru](mailto:admin@great-country.ru).
17. *Лысенко Т. Д.* Почвенное питание растений – коренной вопрос науки земледелия. – М.: Сельхозгиз, 1955 (1956, изд. 2, дополненное).
18. *Агрохимия* / Под редакцией В. М. Ключковского и А. В. Петербургского. – М: Колос, 1967.
19. *Никонов А. А.* Производственные типы колхозов и совхозов Ставрополя. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1973.
20. *Никонов А. А.* Продовольственная программа СССР, ее задачи и пути реализации // *Экономические науки*. – 1982. – № 10.
21. *Никонов А. А.* Основные направления развития сельскохозяйственной науки в СССР. Достижения сельскохозяйственной науки. – М., 1987.
22. *Никонов А. А.* Развитие кооперации и решение продовольственной проблемы // *Вопросы экономики*. – 1988. – № 2.
23. *Ленин В. И.* ПСС. Т. 42. – М., 1969. – с. 5–6.
24. *Тарханов О. В.* Сущность кооперации по А. В. Чаяннову и современность // *Экономический журнал*. – 2011. – № 21г.
25. *Никонов А. А.* Научное наследие А.В. Чаянова и современность // *Вестник с.-х. науки*. – 1988. – № 7(383).
26. *Никонов А. А., Данилов В.П.* Чаяновский прорыв в будущее // *Экономические науки*. – 1990. – № 5. – с. 69-72.
27. *Тарханов О. В.* Кризис: причины и следствия // *Проблемы современной экономики*. – 2009. – № 2(30).
28. *Тарханов О. В.* Продовольственная безопасность: состояние, проблемы и решения // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. – 2010. – № 29(86).
29. *Тарханов О. В.* Управление экономикой сельского хозяйства // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. – 2010. № 36(86).
30. *Тарханов О. В.* Управленческое решение и знание // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. – 2011. – № 7(100).
31. *Тарханов О. В.* О проблемах аграрного комплекса и их решении // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. – 2011. – № 14(107).
32. *Тарханов О. В.* Программы плодородия: возрождение теории или пустая трата денег // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. – 2011. – № 41(134).
33. *Никонов А. А.* Социально-экономические проблемы второго этапа аграрной реформы в Российской Федерации // *Аграрная наука*. – 1994. – № 1. – с.10–13.
34. *Сельское хозяйство России*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [РУСТРАНА.РУ](http://RUSTRANA.RU) (дата обращения: 22.04.2009)
35. *Никонов А. А.* Спираль многовековой драмы: аграрная политика и наука России (XVIII – XX вв.). – М.: Энциклопедия российских деревень, 1995. – 574 с.
36. *Потерпеева А. И.* Освоение целинных и залежных земель в Челябинской области. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://chelreglib.ru:6005/el_izdan/kalendar2004/tselina.htm.
37. Постановление «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель». Февральско-мартовский 1954 г. пленум ЦК КПСС.
38. *Тарханов О. В.* Теоретическая экономия – тупик классового подхода. – М.: Экономика, 2003.
39. *Илялетдинов А. Н.* Биологическая мобилизация минеральных соединений. – Алма-Ата: Наука, 1966.
40. *Фёдоров М. В.* Биологическая фиксация азота атмосферы. – М.: Сельхозгиз, 2-е издание, 1952. – 672 с.
41. *Кубарева Л. С.* Локальное внесение удобрений – один из путей повышения их эффективности // *Бюл. ВИУА*. – 1980. – № 53. – с. 3-9.
42. *Мишустин Е. М., Перцовская М. И., Горбов В. А.* Санитарная микробиология почвы. – М.: Наука, 1979. – с. 304.
43. *Ширская Г. М.* и др. Применение минеральных удобрений как один из факторов токсикоза почв в агробиоценозах / Г. М. Ширская, Г. Е. Пивоваров, Н. Ф. Гомонова // *Тр. Вс. Симпозиума «Микроорганизм как компонент биогеоценоза»*. – Алма-Ата, 1982. – с. 135-136.
44. *Тарханов О. В.* Основы теории аграрного производства. – Уфа: ИКЦ «Системы и технологии», 2008.
45. *Тарханов О. В., Тарханова Л. С.* Современные

технологии переработки навоза и помета как тормоз экономики. – Уфа, 2009. – 160 с.

46. *Тарханов О. В.* Экология и агроценоз // Экология и жизнь. – 2011. – № 2.

47. *Тарханов О. В.* Технологическая реформа сельского хозяйства как средство против войны. – М.: Книга и бизнес, 2006.

48. *Тарханов О. В.* На что не ответили ученые // Газета Башаггропромсоюза. «Новости АПК». – № 16 (43). – 25.04.90.

49. *Каиштанов А. Н.* Насущные проблемы интенсификации земледелия // Земледелие. – 1990. – № 2. – с.2-5.

50. *Ленин В. И.* Полн. собр. Сочинений. – Т.32. – с. 187.

51. *Савин Ю.* У Минсельхоза претензии к ученым экономистам-аграрникам // «Крестьянские ведомости». – 2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.agronews.ru

52. Учёные обнаружили связь между новыми агротехнологиями и детским аутизмом.

53. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://si-sv.com/news/2015-01-14-416>

54. *Тарханов О. В.* Сельскохозяйственная политика: практика, следствия и причины // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2011. – № 42(135).

55. *Тарханов О. В.* Научные и научно-институциональные ловушки в АПК // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2014. – № 2(6). – с.72-79.

56. *Тарханов О. В.* Концепции питания растений и общество // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2014. – №3(7). – с.41-56.

57. *Тарханов О. В.* Голод и государство: Россия (1892-2014) – суть проблемы // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2014. – № 11.